



### Л.О. Белопольский: экспедиция на птичьи базары Новой Земли в 1942 г.

Лев Осипович Белопольский – ученый поистине легендарный. Без сомнения, его можно считать основателем морской орнитологии в СССР. Он был участником знаменитого похода на пароходе «Челюскин». В начале 1930-х гг. провел серию исследований морских птиц в открытых районах Баренцева моря, результаты которых имели не только научное, но и сугубо практическое значение. В конце 1930-х гг. рыбаки в Баренцевом море пользовались его атласом, помогавшим вести поиск косяков сельди, основываясь на поведении морских птиц. Лев Осипович проявил незаурядную настойчивость и энергию при организации заповедника «Семь островов», а в последствии стал инициатором создания его филиала на Новой Земле. Его имя, автора монографии «Экология морских колониальных птиц Баренцева моря», широко известно среди отечественных и зарубежных орнитологов. О каждом этапе жизни этой яркой личности среди зоологов старшего поколения до сих пор гуляют рассказы (правдивые и не очень), байки, легенды. Но в данном случае я попробую рассказать об одном из эпизодов его жизни в период Великой Отечественной войны с его собственных слов. История эта была записана мной в 1982 году.

После празднования юбилея Кандалакшского заповедника на ночных посиделках в кордоне у осеннего Белого моря я поделился с Львом Осиповичем впечатлениями о съемках художественного фильма, где он выступал прототипом одного из главных героев. В ответ Лев Осипович поведал реальную историю своего военного путешествия с группой школьников на архипелаг Новая Земля летом 1942 г. Вот как все это происходило.

#### **Продовольствие для голодающего населения: дары птичьих базаров Новой Земли**

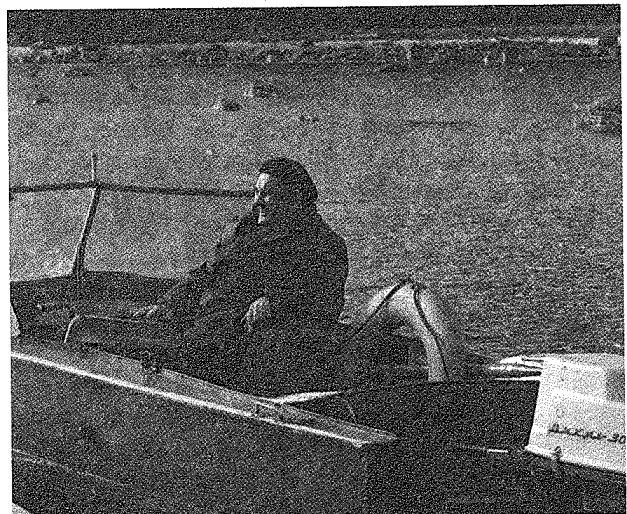
Будучи одним из основных организаторов заповедника «Семь островов», начало войны Лев Осипович встретил в должности его директора. В первые же военные месяцы большинство мужчин ушли на фронт. Сам Л.О. Белопольский, старший лаборант заповедника Широколов и матрос Котлов вступили в истребительный батальон. Но их помощь фронту заключалась не только в этом. Бывшие сотрудники заповедника организовали отлов белых куропаток. За зиму им удалось добыть около тысячи птиц. Продовольствие в военную годину – это тоже оружие, и весьма эффективное.

Второй год войны был для нашей страны особенно тяжелым. Война бушевала и в Заполярье. Положение с продовольствием было сложным, его доставка на Кольский полуостров была затруднена. Рассматривались любые варианты пополнения запасов продовольствия за счет местных возможностей.

Несмотря на боевые действия в Баренцевом море, продолжали работать рыбаки. Вспомнили и о птичьих базарах – традиционных источниках продовольствия северных мореходов.

Весной 1942 г. Лев Осипович был направлен в шестой особый дивизион военизированного флота. Сюда же с фронта был отозван его друг и бывший научный сотрудник заповедника Вячеслав Успенский. Его назначили заместителем Белопольского. Особая задача, поставленная перед дивизионом, – обеспечить промысел птиц и яиц на крупнейших в регионе птичьих базарах Новой Земли. В состав дивизиона входили два паровых судна: «Осетр» и «Исследователь» (ПИНРО). Командовали ими капитаны П.А. Полисадов и Нохвин. Дивизиону был придан и тральщик «Камбала». Кроме комиссара Глущенко, в состав отряда входили судовой врач, завхоз и 16 рыбаков-бригадиров. Но основной рабочей силой в отряде были дети. Тридцать школьников Мурманска и Архангельска отправились в Баренцево море к берегам Новой Земли в свою первую промысловую экспедицию.

Даже в мирное время участие в подобной экспедиции могло быть поводом для особой детской гордости. Ведь промысел на птичьих базарах – не столько экзотика, сколько изнуряющий труд в экстремальных условиях. Но эта экспедиция проходила в военных условиях, в тяжелейший для Красной Армии период. В Баренцевом море свирепствовали немецкие подводные лодки и авиация. Каждый выход в море был сопряжен со смертельными опасностями, среди которых погибнуть от пули или осколка – не самый страшный вариант. В случае гибели судна многих моряков ожидала смерть в ледяных волнах арктического моря: оказавшись за бортом, человек здесь



Лев Осипович Белопольский, остров Рязков, Кандалакшский залив Белого моря, 1982 г.



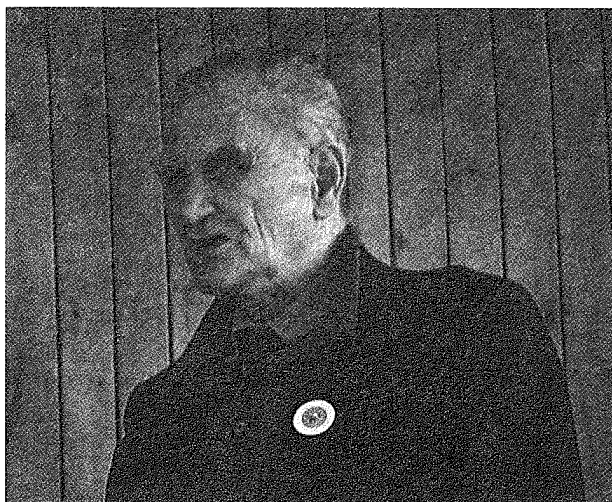
замерзает уже через двадцать минут. Правда, дети, поступившие в отряд, многое уже повидали: бомбежки городов, борьбу с зажигалками и пожарами, смерть на улицах родных городов. Это были не просто мальчики из обычных советских школ, это уже были **дети войны**. Мужественные и закаленные. И все таки, все таки... Накануне выхода полутонная бомба едва не утопила «Исследователь», упав в нескольких метрах от борта.

В поход суда уходили раздельно в ночь на 8 июня. Хотя летом на Мурмане ночь – понятие условное. Место randevu – остров Харлов, самый крупный из островов заповедного архипелага Семь островов. Впрочем, в тот период о заповеднике здесь никто и не вспоминал. На острове обустроивалась батарея морских орудий, строились доты и отсечные позиции. Здесь Лев Осипович, шедший на «Осетре», встретился с Вячеславом Успенским, а уже 10 июня суда были в военно-морской базе в Иоканьге. Тут экспедиция должна была получить конвой. Увы, командующий базой контр-адмирал Абрамов в эти горячие дни выполнить данное условие не имел возможности, хотя и обещал предоставить конвой недели через две. Время безнадежно уходило. Оптимальный момент для сбора яиц – начало массовой кладки, и опоздание грозит срывом задания. Оценив обстановку, экспедиция на свой страх и риск двинулась без прикрытия. Шли галсами, опасаясь встречи с кораблями противника. Из-за этого дорога от Иоканьги до берегов Новой Земли заняла почти 6 суток.

Достигнув берегов архипелага, экспедиция остановилась в губе Безымянной, где есть мощнейшие птичьи базары. Их основу составляет толстоклювая кайра, в значительно меньших количествах в те годы встречалась чайка – моевка. Но для промысла удобней и выгодней, конечно, кайра. Яйца у нее крупные (более 100 г), скорлупа толстая и прочная. Да и сама кайра весит прилично – почти килограмм.

В губе Безымянной существовала изба охотников-промысловиков. Зимой они добывали песка, оленей, летом – гусей и рыбу. Белополюский и Успенский высадились с судна в 4 часа утра. В избе спали промысловики – около 10 человек. В беседе с ними принимал участие лишь Лев Осипович, а Вячеслав Успенский, одетый в летный шлем, по своему обыкновению молчал. Это заставило промысловиков насторожиться. Они заподозрили, что на судне пришли немцы с русским проводником. Поняли, что ошиблись, уже при разгрузке судна. Сам Лев Осипович узнал об этой коллизии лишь после окончания войны – в 1947 г., когда приступил к организации филиала заповедника «Семь островов» на Новой Земле.

В самой губе Безымянной на ее южной стороне высадились восемь бригад. Суда с оставшимися участниками экспедиции работали поблизости – на птичьих базарах между губами Безымянной и Грибовой. Работа продолжалась уже около двух



**Л.О. Белополюский, 1982 г.**

недель, когда появился немецкий самолет. Оживленная деятельность на побережье, видимо, привлекла внимание пилотов, и вскоре самолет появился вновь. Экспедиции было известно, что немецкая авиация базируется в норвежском городе Киркинес. Но после окончания войны выяснилось, что и на Новой Земле немцы располагали тайным аэродромом, это сильно облегчало действия их авиации в восточной части Баренцева моря.

После налетов авиации суда экспедиции с В. Успенским ушли на север Новой Земли, в губу Архангельскую. А береговой отряд остался в Безымянной. В каждой бригаде было два взрослых рабочих-бригадира и два мальчика. Бригадиры спускали ребят на канатах на гнездовые участки за яйцами. А транспортная бригада собирала все добытое и свозила на другой берег губы, где был организован склад яиц. Для определения свежести яйца купали в воде. Содержимое насиженных яиц выливали в бочку для использования на зверофермах в качестве корма песцов. А свежие яйца обрабатывали парафином. Немецкие самолеты не оставляли экспедицию в покое и появлялись в губе Безымянной по два раза на дню. В июле пришел тральщик «Камбала», его загрузили продукцией и отправили. Это был последний визит «Камбалы», в последующий рейс ее торпедировали, и судно погибло.

Пятого августа экспедиционные суда с севера Новой Земли воссоединились с основной частью экспедиции. По рассказам команд, в губе Архангельской они работали относительно спокойно. Немецкие самолеты появлялись лишь два раза. Но в отряде В. Успенского погиб один человек, сорвавшийся со скалы. После массового вылупления птенцов кайры экспедиция переместилась в губу Кармакулы, где добывали уже взрослых кайр. Становище здесь было разорено. Осталось только три дома, остальные были сожжены немецкой подводной лодкой.

В Белушьей губе суда экспедиции встретили ледорез «Литке», после чего отправились в губу Черную



на промысел взрослых кайр. Здесь экспедиция едва не завершилась трагически. В губу попыталась войти немецкая подводная лодка. Спас случай. Устье губы в этот момент было забито дрейфующим льдом, и субмарина вынуждена была отступить. Ее пиратская миссия развития не получила, так как ледорез «Литке» сопровождал катера – «морские охотники». Они атаковали и потопили субмарину.

В целом экспедиция под руководством Л.О. Белопольского за летний сезон 1942 г. собрала около полумиллиона свежих кайриных яиц, 25 бочек содержимого насиженных яиц и добыла 14 тысяч взрослых кайр. В 1943 г. заповедник «Семь островов» был законсервирован, а Лев Осипович отозван в Москву. Пребывание в столице было недолгим – Л.О. Белопольский получил новое назначение на Дальний Восток, в Судзухинский заповедник, на замену погибшего от рук браконьеров директора Л.Г. Капланова.

### Война, люди, птицы

В послевоенные годы история военной экспедиции на Новую Землю заинтересовала кинематографистов. На свет появился сценарий Юрия Клепикова «Летняя поездка к морю». Но, как это часто бывает в мире кино, сценарий был посвящен отнюдь не Л.О. Белопольскому и заповеднику. О них в нем не упоминалось даже косвенно. Фильм от первого до последнего кадра был посвящен детям. Детям войны. Их изломанным судьбам и стремительному возмужанию в необычных и порой трагических условиях экспедиции на Новую Землю. В 1978 г. снимать фильм взялся тогда малоизвестный широкой публике режиссер студии «Ленфильм» Семен Давыдович Аранович. Широкая известность пришла к нему позднее, вместе с фильмами «Противостояние», «Рафферти», «Торпедоносцы». По нынешним временам состав киногоруппы можно назвать ярким и легко узнаваемым: оператор Владимир Ильин, режиссер Юрий Мамин, артисты Николай Скоробогатов, Виктор Проскурин, Татьяна Кравченко, Игорь Фокин. Но тогда их имена были не столь известны широкой публике.

С моей точки зрения, для съемок «Летней поездки к морю» трудно было найти более подходящего режиссера. «Дитя войны», Семен Давыдович, окончив летное училище, служил на Севере в морской авиации. Этим фильмом он словно бы отдавал долг памяти своему поколению. К съемкам С.Д. Аранович подходил очень скрупулезно. Он был уверен, что фильм должен сниматься в реальных условиях Новой Земли. Надо понимать, что в то время одно это вызвало как сильное удивление, так и не менее сильный скепсис: пропускной режим на Новую Землю никто не отменял, да и современной информации об этом архипелаге в открытой печати почти не было. Зато было точно известно, что арктическая погода, приправленная условиями птичьих базаров, совсем не похожа на



Оператор В. Ильин и режиссер фильма С.Д. Аранович (крайний справа)

бархатный сезон в Крыму. А когда на съемках задействовано большое количество детей... Впрочем, выход нашли. В поиске места для съемок свой окончательный выбор режиссер остановил на северном побережье Кольского полуострова, а именно на острове Харлов, к тому времени уже входившему в состав Кандалакшского заповедника. Решение было оптимальным. Птичьи базары Мурмана, по сравнению с новоземельскими, в художественном плане более выигрышны, а местная погода более мягкая.

Существовала и проблема подбора малолетних артистов. Сам Семен Давыдович был уверен, что современные дети, сытые и избалованные, при всей их талантливости в заданных условиях на экране будут выглядеть неубедительно. Выход нашли, пригласили для съемок детей из специнтерната для малолетних нарушителей. Этот контингент по своему поведению и повадкам во многом был схож с детьми военного времени. В то же время, в фильме юные артисты должны были уверенно передвигаться по скалам и не бояться высоты. Здесь требовалась уже специальная подготовка. Таких подготовленных ребят отыскивали в ленинградском дворце пионеров. Возглавлял их талантливый педагог Александр Васильевич Агапов, обучавший старшеклассников скалолазанию и более двадцати лет привозивший их на остров Харлов в составе юннатской экспедиции. Он же стал отвечать и за безопасность взрослых артистов во время проведения съемок на скалах. Таким образом, А.В. Агапов, оказав немалое влия-



ние на выбор места натуральных съемок, удачно совместил свое участие в съемках фильма с проведением школьной экологической экспедиции в заповеднике.

Для Кандалакшского заповедника известие о съемках фильма на Семи островах оказалось совсем не радостным. Еще бы: пребывание большой группы артистов и съемки эпизодов войны с пиротехническими эффектами для заповедной природы равносильны стихийному бедствию. А теперь представьте суровые условия жизни в полевом кордоне, сложный скальный рельеф острова, ограничения по пресной воде и прочая, прочая, прочая... В общем, сопротивлялись все, от директора до меня – тогда младшего научного сотрудника, работавшего именно на Семи островах. И, как часто происходит в таких случаях, сопротивление было бесполезным. У съемочной группы оказалось разрешение на проведение съемок на территории заповедника от вышестоящей организации – Главохоты РСФСР. Более того, киношникам было дано «добро» на сбор пятисот яиц и добычу пятидесяти взрослых кайр. Это была почти катастрофа. Конечно, кайр на птичьих базарах гнезилось тысячи, но основная их масса поселяется на недоступных участках. Пятисот яиц можно было собрать лишь на контрольных площадках, где проводились многолетние наблюдения за кайрами. Плюс отстрел, постоянно пребывающие в колониях люди количеством около ста душ. На этом научный сезон 1978 г. можно было и заканчивать. На вопрос, что мне делать в этой ситуации, заместитель директора по науке хитро прищурил глаз, заулыбался и озвучил решение руководства. Выяснилось, что я отвечаю за все. Съемки фильма должны состояться без нареканий, но и без особых потерь для заповедника. А уж как это все совместить – проблемы мои. Вот с этим напутствием я и отбыл на Семь островов.

Сам по себе процесс съемок этого художественного фильма на южном берегу Баренцева моря может служить основой для сценария саркастической комедии. Сдается мне, что участвовавший в этих съемках Юрий Мамин по их мотивам мог бы сделать не менее яркий фильм, чем его «Праздник Нептуна».

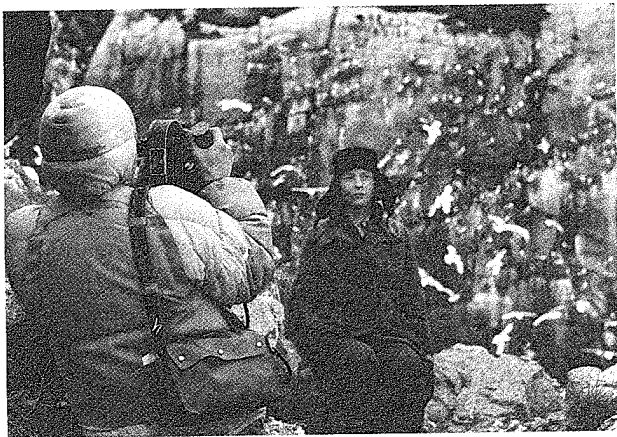


С.Д. Аранович и Юрий Мамин

В ходе весьма нервных переговоров с руководством киногоруппы уже на Харлове стало ясно, что примитивность бытовых условий на острове была ими явно недооценена. И режиссер с облегчением ухватился за нашу идею аренды большого судна на весь период съемок. В то время на такие фильмы государство денег не жалело. Если мне не изменяет память, аренда большого гидрографического судна в сутки обходилась киногоруппе в две тысячи рублей. Но зато весь ее состав в течение месяца жил во вполне приличных условиях. И что самое главное, на острове появлялись лишь специалисты, необходимые для съемок данного эпизода. Следовательно, лишних людей на площадке – а, соответственно, и в заповеднике – не было. Такая осторожность была отнюдь не лишней. Многие члены киноэкспедиции заинтересованно смотрели по сторонам, в надежде привезти домой в качестве сувенира что-то экзотическое. Кого-то интересовали сувениры невинные (камешки и перышки), а кого-то – редчайший тогда атлантический лосось или обычный для наших мест «золотой корень». Если с приобретением первого «сувенира» (за универсальную для Севера «сорокоградусную валюту») члены киногоруппы интересы заповедника не затрагивали, то со вторым – они вторгались в святая святых. Буйные кущи «золотого корня» они постоянно видели во время съемок в тех или иных участках заповедника. Не допустить даже случайных копок редкого растения тоже входило в нашу задачу. И все же более всего нас беспокоила сохранность колоний птиц.

По поводу сбора яиц и отстрела птиц постоянно шли дискуссии с руководством киногоруппы. В ожесточенных спорах и рождались компромиссные решения. Художникам киногоруппы было предложено сделать гипсовые муляжи яиц кайры. Предполагалось, что на экране они будут неотличимы от настоящих. Результат превзошел самые оптимистичные ожидания. Тест на правдоподобность яйца прошли на «отлично». Выложенные на участок скалы они сразу же привлекли внимание серебристых чаек. Одна из птиц спикировала к ним и со всего маху ударила по яйцу клювом. Всем, наблюдавшим эту сцену, стало искренне жаль незадачливую воровку. Еще одна, уже осторожная попытка, – и разочарованная чайка покинула съемочную площадку. После такого начала мы с большим оптимизмом выложили несколько десятков яиц на кайриный «клуб», полагая, что кайры, прилетевшие сюда для отдыха и общения, на таком фоне создадут видимость участка гнездовой колонии. После чего здесь под прицелом кинокамеры появятся люди, спугнут реальных птиц и соберут «яйца». И все будут довольны: и режиссер, и артисты, и птицы. Кайры не заставили себя ждать. Полюбовались нашей имитацией и стали скатывать яйца со скалы. Под жалобные стоны реквизитора, требовавшего от режиссера ответа, на каком основании их теперь списывать. Однозначно объяснить





**Эпизод съемок на птичьих базарах.**

поведение кайр с научной точки зрения я не могу до сих пор. Эпизод пришлось снимать с реальными яйцами и в настоящей колонии, а сбор «яиц» – на специальной площадке вне гнездовых участков.

Требовалось обеспечить съемку еще одной сцены. Пулеметная очередь немецкого самолета должна была ударить по ящику с яйцами и их содержимое оказаться на лице и одежде артиста. Понятно, что гипсовые муляжи для этой цели годятся мало. Роль пулеметных пуль должны были выполнить капсули-детонаторы, предварительно заложенные в ящик пиротехниками. Решили и эту проблему: на остров из Мурманска доставили несколько сот куриных яиц. Раскрашенные гуашью и разложенные среди муляжей, они весьма достоверно исполнили в кадре свою роль.

В ходе съемок требовалось много сюжетов с работой людей среди птиц или на фоне птичьих базаров. С крупными чайками все было просто. Рабочие выкладывали пищевые отходы с камбуза судна по периметру съемочной площадки, и через несколько дней массовка из серебристых и морских чаек была готова к съемкам. С другими видами птиц было сложнее. Чтобы отснять работу главных героев в колониях птиц, нужно было хитрить. На фоне настоящих птичьих базаров на отдельных голых скалах рабочими вполне реалистично были построены гнезда моевок, под ними известкой выполнены подтеки помета. Никто при просмотре фильма подставы не заметил. Не заметили ее и моевки: на следующий год эти участки были полностью заняты птицами.

Увы, окончив работу над значительной частью картины, съемочная группа подошла к самой неприятной ее части – съемкам добычи взрослых птиц. В реальной жизни этот промысел был кровавым и жестоким. Птиц не отстреливали – экономя патроны, их добывали на гнездовых карнизах пиками, по очереди нанизывая несколько кайр. Шла война, и взрослые бригадиры мало задумывались о гуманности; вероятно, не часто думали об этом и дети. В кино такую правду жизни, разумеется, показать не могли. В сценарии дети отстреливали кайр из охотничьих

ружей. Конечно, в кадре юные артисты должны были стрелять в воздух и только холостыми патронами. Но и такая стрельба на заповедных птичьих базарах была крайне нежелательной. Режиссеру предложили провести такие съемки вдалеке от заповедных островов. Уговорить его на такой шаг было не простой задачей. Семен Давыдович был искренне уверен, что все самое ценное и красивое находится в заповеднике, а мои уговоры преследуют одну цель – под любым предлогом «не пущать» киногруппу в заповедник. Но, в конце концов, судно все-таки ушло в район мыса Крутик, на птичьих базары за пределами заповедника – туда, где местное население традиционно собирало яйца морских птиц. Увидев здешние скалы, режиссер снова «закипел», но уже по другому поводу. Теперь ему хотелось переснять все натурные съемки, сделанные на Семи островах. Но времени для таких действий уже катастрофически не хватало.

И тут выяснилось, что по плану кайр должны были добыть пиротехники с помощью тех самых охотничьих ружей, при наличии патронов исключительно с мелкой дробью. Надо полагать, они мало думали о реальности такой задачи. Кайра достаточно сильная птица, и в случае даже смертельного ранения улетит в открытое море, где найти ее будет мало шансов. А пятьдесят добытых птиц – это, как минимум, столько же выстрелов (в действительности в несколько раз больше). Подсчитать количество подранков будет невозможно и, в конечном итоге, птиц будет погублено гораздо больше. Что останется от птичьих базаров после такой безудержной пальбы на относительно ограниченной территории? Заповедные – не заповедные, а существовать эти колонии должны были и после съемок фильма. Но этот вопрос пиротехников не волновал. Не знаю, волновало ли это режиссера, но доводам он внял, и добыча птиц была возложена на меня. Это позволило обойтись без ружейной пальбы и ограничить число реально пострадавших птиц разрешенным количеством.

Тем не менее, и тут не обошлось без сюрпризов. Добытых птиц до начала съемок оставили на палубе



**Артисты Ленкома (Москва) В. Проскурин и И. Фокин во время съемок, о. Харлов, 1978 г.**



судна и быстро об этом пожалели. Куда пропала значительная часть тушек, так и осталось бы не выясненным, если бы не раздраженное бурчание палубной команды. Прочитав в сценарии фильма похвалу кулинарным качествам кайры, вложенную в уста одного из главных героев, моряки попросту унесли часть птиц на камбуз. Но для сытого морехода мирного времени жесткое с характерным запахом мясо кайр оказалось вовсе не деликатесом... Остатки тайного ужина окончили свой путь за бортом судна. Правда искусства в очередной раз решительно разошлась с правдой жизни.

«Летняя поездка к морю» вышла на экраны, но прошла тихо и незаметно. Лишь в журнале «Советский экран» молодые кинокритики порезвились по поводу и самого фильма, и его режиссера. И зря. Семен Давыдович уже через несколько лет доказал поверхностность и поспешность суждений юной кинематографической поросли. Что же касается фильма, то я сожалею лишь об одном упущении. Мне кажется, что перед фильмом была необходима короткая надпись: «Посвящается военной экспедиции Л.О. Белопольского».

**Ю.В. Краснов**  
Фотографии автора

### *Орел-змееяд – символ Кавказских Минеральных Вод*

Район Кавказских Минеральных Вод, пожалуй, самый прекрасный уголок Ставропольского края. Красота природы удивительно сочетается здесь с целебной силой горного климата и минеральных вод многочисленных источников. Приезжают сюда со всего света. И каждый человек обязательно побывает на горе Горячей у скульптуры орла со змеей в лапах.

Эта скульптура была установлена к 100-летию Пятигорского курорта. Автор воплотил в ней горскую легенду. Когда-то давным-давно орел увидел змею и напал на жертву. Но змея успела ужалить орла. Окровавленный, он упал в пропасть. И вдруг в том месте, где лежал орел, из-под земли забил прозрачный источник. Через некоторое время рана орла затянулась. Он взлетел высоко-высоко, увидел ползущую змею, схватил ее за голову и сел на вершину горы. Так орел со змеей в лапах стал символом Кавказских Минеральных Вод. Орел олицетворяет источник жизни и здоровья, а змея – болезнь.

Место, где стоит скульптура, крайне примечательное. С незапамятных времен здесь струился безымянный горячий целебный источник. В 1810 г. доктор Ф. Гааз назвал его Александровским, в честь императора, учредившего здесь курорт. У обильного источника были сооружены деревянные, а затем и каменные ванны. В 1900 г. директор Минвод В.В. Хвощинский решил разбить на Горячей горе курортный парк.



Архитектурную завершенность верхней площадке каменной лестницы должна была придать искусственная горка с каким-либо изваянием. Образ орла предложил новочеркасский живописец И.И. Крылов, а ростовский скульптор Л.К. Шодский быстро исполнил заказ. В конце апреля 1901 г. скульптура была установлена на пьедестале из камня; голова орла была обращена в сторону Пятигорского собора и Цветника. 1 мая 1901 г., при открытии лечебного сезона, орла увидели первые посетители и жители курорта. Этот день и стал днем рождения Кавказских Минеральных Вод. За минувшее столетие изображение орла менялось несколько раз. Современный вид скульптуры приобрела после Великой отечественной войны. 15 октября 1973 г. цементная фигура орла была заменена бронзовой копией, изготовленной на Ленинградском комбинате декоративно-прикладного искусства.

Оптимистический образ преодоления болезни пришелся по душе людям и в советское время. Орла изображали на сувенирах – значках, кружках, вымпелах и т.д. А в 1995 г. орел со змеей стал официальной эмблемой Минвод (эскиз художника А. Плужникова).

Не только отдыхающие, но и местные жители в большинстве своем, вероятно, не знают, что это конкретный вид: орел-змееяд. Это некрупный орел (масса около 1,8 кг). Для гнездования змееяд избирает участки леса со множеством полян. Гнездо строит на деревьях. Самка откладывает только одно яйцо.

Орлы-змееяды действительно едят змей, даже крупных и ядовитых. Лапы птиц защищены толстыми роговыми щитками: укусить – зубы обломаешь! В сутки змееяды съедают всего две-три змеи весом 100–150 г.

В гнездо змееяд обычно приносит полупроглоченную змею, наполовину свисающую из клюва. Птенец хватается ее за хвост и вытаскивает из глотки родителя.

Змееяды охотятся и на других животных, но змей предпочитают всем. Поскольку мест, где змей действительно много, у нас почти не осталось, этот орел стал величайшей редкостью. Увидеть его теперь – большая удача для орнитолога.

**Л.В. Маловичко**